

МАККЕНЗИ РИД

ОХОТА
ЗА НАСЛЕДСТВОМ
РОУЗВУДОВ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р49

Mackenzie Reed
THE ROSEWOOD HUNT
Copyright © 2023 by Mackenzie Reed

Перевод с английского *Е. Татищевой*

Художественное оформление *Д. Васильченко*

Рид, Маккензи.

Р49 Охота за наследством Роузвудов / Маккензи Рид ; [перевод с английского Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-211283-6

Лили живет с бабушкой, богатой владелицей крупнейшей компании по производству люксовой одежды. Именно Айрис Роузвуд привила внучке любовь к моде, и Лили надеется когда-нибудь возглавить семейный бизнес.

Но неожиданная смерть бабушки переворачивает ее жизнь с ног на голову. Мало того, что ее выгнали из особняка, где она жила, так еще и пропало ее наследство в четверть миллиона долларов.

Когда Лили и трое ее друзей внезапно получают письма от бабули, которая всегда любила загадки и головоломки, они отправляются на поиски сокровищ Роузвудов. У них будет всего два дня, чтобы их найти, ведь за наследством охотятся и другие. И вскоре эта игра станет слишком опасной.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-211283-6

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящаю моим родителям
за веру в меня и мои истории
и за то, что всегда напоминали,
что я никогда не буду одинока.*

ГЛАВА 1

СУББОТА, 15 ИЮНЯ, 19:52

Если о моей семье что-то и можно сказать наверняка, так это то, что мы определенно умеем устраивать классные вечеринки.

Официант во всем черном проходит сквозь толпу гостей в гостиной моей бабушки. Я беру с его подноса бокал с шампанским и вижу, что оно колышется в такт низкочастотному ритму песни, несущейся из динамиков, установленных в углах комнаты. В вестибюле сидит диджей, ставящий самые разные композиции: от АВВА до Гарри Стайлса. Мы, разумеется, могли бы нанять любого исполнителя, какого бы только пожелали, но бабушка не любит тратить деньги, если это не необходимо.

Я подношу бокал к губам, оглядывая толпу. Я сижу на спинке любимого диванчика на двоих, обитого коричневой кожей, так что мне отлично видны все присутствующие. Сегодня вечером к нам явился весь город. Как всегда.

Рядом с шоколадным фонтаном устроились репортеры из «Роузтаун кроникл», нашей местной газеты, в которой завтра наверняка напишут о самых интересных моментах вечеринки. Они смеются, макая фрукты в расплавленный шоколад. Прямо под мерцающей люстрой, украшенной кристаллами Сваровски, сидят члены комитета музея изобразительного искусства Роузтауна во главе с Анджелиной Мэрфи. Вместе с другими фанатами искусства они, вероятно, обсуждают следующую выставку, которая будет устроена в музее.

Даже полицейские приходят на пресловутые вечеринки, которые устраивает бабушка. Начальник полиции города Блейн Клэрмон и двое его помощников толкуются возле стола с итальянскими мясными закусками и выдержанными сырами, сменив форму и наручники на смокинги и белые рубашки с позолоченными запонками. Можно подумать, что на всех улицах города звучит предостерегающий шепот: *«Не шкодьте пятнадцатого июня. Вы же знаете, что это за вечер»*.

И действительно, все знают. Это день рождения моей бабушки, известный также как день, с которого в Роузвуде официально начинается лето, а значит, и сезон вечеринок.

К тому же преступности в Роузвуде, можно сказать, нет, разве что несколько бунтарски настроенных подростков время от времени пытаются проникнуть на заброшенную фабрику, стоящую на краю города. Но все, кто имеет склонность делать что-то такое, чего делать не следует, все равно находятся здесь. Потому что таковы вечеринки, устраиваемые в Роузвуд-Мэнор, в этом-то и заключаются и их прелесть, и их проклятие. Приглашения на них в запечатанных сургучом конвертах бросают в почтовые ящики всех домов города.

Я пью шампанское — просто потому, что могу, — и за один большой глоток опрокидываю в себя почти все содержимое бокала. Музыка смешивается с гомоном болтающих гостей, накрывая меня, как одна большая приливная волна. Когда я опускаю бокал, начальник полиции Клэрмон смотрит на меня, держа в руке крекер, с которого едва не падает ломтик прошутто. Он не привык, чтобы семнадцатилетние девушки вот так внаглую бросали ему вызов, тем более в толпе тех, кого мы оба знаем.

Я вскидываю одну бровь и демонстративно поднимаю бокал. На его краю красуется след от моей рубиново-красной губной помады. *Ну и что вы предпримете по этому поводу?*

Он отворачивается и кладет крекер с прошутто в рот. *Абсолютно ничего.*

На секунду я позволяю себе самодовольно ухмыльнуться. Разумеется, он ничего не предпримет. Он *не может*. Потому что я...

— Лили Роузвуд!

Я сразу узнаю этот голос — в нем различается едва заметный британский акцент. Я надеялась, что сегодня вечером не услышу его. Неудивительно, что начальник полиции так пристально смотрел на меня — ведь ко мне направлялась его дочь.

— Привет, Эл!

Я поворачиваюсь, приклеив к лицу свою самую ослепительную улыбку, но она тут же гаснет, когда я вижу Элл Клэрмон и узнаю ее только по родинке возле губ. Она разодета в пух и прах — обалденное коктейльное платье и алые туфли на высоких каблуках, а ее недавно покрашенные платиновые волосы волнами ниспадают на правое плечо. Она старше меня всего на четыре года, но учеба в Лондонском колледже моды превратила ее во что-то вроде модели с пухлыми губами и такими белыми зубами, что она вполне могла бы сняться в рекламе пасты «Колгейт». Теперь она совершенно не похожа на ту скромную брюнетку, за которой в детстве я бегала, как щенок.

— Я так рада, что ты смогла прийти.

Мне тяжело произносить эту ложь, когда она целует меня в обе щеки. Штука в том, что я *хочу* радоваться ее возвращению домой. Раньше, когда нас объединяла любовь к моде и она относилась ко мне как к младшей сестре, я очень расстроилась, что она уезжает учиться. Но, возвращаясь домой, она всякий раз запудривает моей бабушке мозги по поводу «Роузвуд инкорпорейтед», нашей компании по производству люксовых пальто, основанной более ста лет назад моей прапрабабушкой. Когда Элл выразила желание поехать учиться в Лондон, она договорилась с моей бабушкой о том, что если все это время будет работать в нашей лондонской штаб-квартире, то по окончании колледжа сможет получить постоянную работу в «Роузвуд инкорпорейтед».

С тех пор бабушка зациклена на том, чтобы обучить ее всем тонкостям и нюансам, касающимся работы компании, и постоянно зависает с ней в «Зуме». Особенно в последний год, поскольку теперь Элл останется совсем немного до окончания колледжа. Это прекрасно и замечательно, вот только предпо-

лагалось, что этот год бабушка проведет, уча *меня* тонкостям и нюансам, касающимся ее роли председателя правления «Роузвуд инкорпорейтед».

— Я скучала по тебе, Лили, — говорит Элл, придвигаясь ближе, когда мимо нас по полу из полированного мрамора, шатаясь, проходит какая-то подвыпившая пара. В ее глазах читается участие. — Как ты? Я знаю, что тебе было нелегко с тех пор, как... как все это произошло.

Это преуменьшение, и еще какое. У меня сдавливают горло, и чувства, которые я весь день подавляла, начинают вырываться наружу. Накладывая сегодня макияж, я пообещала себе, что буду держать эмоции в узде. Это же всего лишь очередная вечеринка. Я могу справиться, могу продержаться один вечер. Я должна это сделать.

— Со мной все хорошо, — выдавливаю я, иррационально злясь на нее за то, что заговорила об этом. — К тому же жить с бабушкой здорово.

Последнее, к счастью, чистая правда.

Элл оживает и оглядывается по сторонам.

— Кстати об Айрис, ты ее видела?

— Э-э...

Хороший вопрос. Бабушка эффектно появилась на вечеринке более часа назад, сойдя по парадной лестнице в вестибюль в шикарном изумрудно-зеленом платье в пол. У горла на тонкой золотой цепочке висел фирменный каплевидный кулон с рубином в двадцать пять каратов. С тех пор я ее не видела, впрочем, когда в твой дом набился весь город, исчезнуть легко. И даже желательно. Потому что, когда ты матриарх самой богатой семьи в Южном Массачусетсе, всем хочется пообщаться с тобой.

Я быстро оглядываюсь по сторонам, ощущая беспомощность. Мой взгляд перехватывает один из официантов и решает, что я ищу глазами поднос с закусками.

— Дамы, не желаете ли коктейль из креветок?

— Нет, спасибо, — быстро отвечает Элл, попятившись. — У меня аллергия на моллюсков и ракообразных.

Я уже съела более чем достаточно закусок, но беру с подноса креветку и кладу ее в рот. Все что угодно, лишь бы побыстрее закончить этот разговор. Внезапно все начинает напрягать меня: музыка кажется слишком громкой, выражение лица Элл — слишком понимающим. Мне нужно выйти на воздух.

Элл настроенно смотрит, как я жую и глотаю. Я снова приклеиваю к лицу улыбку, которую изображаю весь вечер. Непринужденная, беззаботная. *Я чувствую себя так, будто умираю, но никому не могу этого показать.*

— Я уверена, что бабушка где-то здесь, — говорю я. — И буду рада передать ей что-то от тебя.

— О, не беспокойся. Нам с ней надо обсудить вопросы, касающиеся бизнеса.

— А, ну да. — Я продолжаю улыбаться, но ее уклончивость вызывает у меня раздражение — можно подумать, что я не могу участвовать в обсуждении *вопросов, касающихся бизнеса.* — Извини, но мне пора идти, надо проверить, как идут дела на кухне.

— Да, конечно. Была рада увидеть тебя, Лили.

Я успеваю сделать всего два шага, когда ее голос останавливает меня:

— И да, кстати, у тебя *очень* красивое платье.

Я мысленно ощетиливаюсь, но снова ухитряюсь изобразить улыбку.

Затем начинаю быстро протискиваться сквозь скопление теплых тел, отделяющих меня от маятниковой двери¹ кухни. И радуюсь тому, что свет в гостиной приглушен, поэтому никто не сможет различить моих пылающих щек. Если бы мое платье похвалил кто-то другой, я бы ликовала. Оно и впрямь *очень* красивое: мягкий бархат, великолепный бирюзовый цвет. Я купила его в магазине винтажной одежды в городке, расположенном через четыре города от нашего. Отрезала юбку на уровне колен и подшила подол вручную, так что получилось кокетливо. В груди оно было немного узковато, но я справилась и с этим, добавив сзади кремовый корсет, чтобы скрыть молнию, засте-

---

¹ Дверь, открывающаяся в обе стороны. (Прим. ред.)

гивающуюся только до половины. Когда я закончила переделывать его, оно было совершенно не похоже на то платье, которое я купила.

Но Элл живет и дышит высокой модой. Готова поспорить, она узнала винтажный дизайн этого платья и подумала, что я исковеркала его, когда подшила под фигуру.

Однако это не ее дело.

Мне бы хотелось сказать это ей, но вокруг слишком много любопытных, прислушивающихся к каждому нашему слову. К тому же тогда мне пришлось бы объяснять, *почему* я была вынуждена купить винтажное платье и перешить его. Почему я не могла просто воспользоваться деньгами из огромного состояния Роузвудов и купить новый наряд.

Я пыталась найти ответ на этот вопрос весь последний год.

Облегченно вздохнув, я врываюсь на кухню, в спешке едва не сбив с ног официанта, несущего поднос с крошечными канапе.

— Извините, — бормочу я, немного сутулясь, поскольку теперь на меня не устремлены взгляды гостей.

Мне очень нравится быть членом семьи Роузвуд, но иногда я устаю оттого, что на глазах жителей города постоянно приходится выглядеть на *все сто*.

— У тебя такой вид, будто ты полна решимости что-то сделать, — говорит знакомый голос за спиной.

— Да, я полна решимости убраться подальше от Элл Клэрмон. — Я поворачиваюсь и вижу моего друга Майлза, щеки которого раздумались от быстрой ходьбы. — У тебя и самого такой вид, будто ты *что-то* задумал.

— Да, найти *тебя*, — задыхаясь, отвечает он. — Я искал тебя целых десять минут, затем наконец заметил и звал с другого конца гостиной, но ты побежала сюда.

— Извини, мне просто надо было выйти на свежий воздух.

Мои каблуки стучат по безупречно чистому плиточному полу, пока я направляюсь к стеклянной двери, ведущей в патио с бассейном. Сейчас она открыта, и от дворика нас отделяет только прозрачная ширма, но духота кухни мало чем отличается от влажного летнего зноя, царящего снаружи.

Майлз следует за мной, разглаживая складки на классических брюках цвета хаки и строгой темно-синей рубашке. Его светлые волнистые волосы падают на глаза, голубизна которых дополняет бирюзовый цвет стены за его спиной. Он смотрит сквозь ширму на забитый народом задний двор нашего особняка и вскидывает бровь.

— Лили, ты не видишь в этой сцене ничего странного?

Я окидываю взглядом гостей, находящихся в бассейне и сидящих в креслах.

— Что, на надувном матрасе в виде фламинго слишком уж много людей?

Он весело смеется.

— Ладно, а что *еще*? — Он показывает на парнишку примерно нашего возраста, сидящего чуть поодаль на садовом стуле.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Я надеялся, что ты знаешь.

— Нет, не знаю, а *должна*, — отвечаю я.

На темно-коричневой коже парнишки играют блики от хлорированной воды в бассейне. Он держит в руках бутылку минералки и одет в брюки цвета хаки и фуфайку. Слишком тепло по сравнению с остальными гостями, находящимися в патио, на которых только купальники или плавки.

— Мне знакомо каждое из этих лиц, и я сама писала имя и адрес на каждом приглашении, пока у меня не начало сводить руку.

— Спасибо за самопожертвование, — торжественно изрекает Майлз.

Я тычу его локтем в бок и снова оглядываюсь на парнишку. Его глаза за очками в черной оправе ясно говорят, что он предпочел бы находиться где угодно, только не здесь.

— Он не кажется мне знакомым, — говорю я, пытаюсь вспомнить, но ничего не выходит.

— А он довольно симпатичный, тебе не кажется? — спрашивает Майлз.

Я утвердительно мычу, радуясь возможности спокойно пообщаться с Майлзом, который в этот год взял на себя роль моего единственного лучшего друга.

Он всегда полон беззаботного оптимизма и готов ко всякого рода непринужденным развлечениям и сейчас, верный себе, смотрит на меня с заговорщической улыбкой.

— Спорим, что я сейчас подойду и заговорю с ним?

— Ты сделаешь это и без всякого спора, — отвечаю я.

— Тогда это будет не прикольно.

— Ладно, будем считать, что мы поспорили. Иди пообщайся с тем таинственным незнакомцем. И ты наберешь дополнительные очки, если он захочет подружиться с тобой до конца этой вечеринки.

— А сколько очков я заработаю, если сам захочу подружиться?

— Тогда я позволю тебе завтра поспать и сама открою кулинарию, — обещаю я, хотя это рискованно, поскольку по воскресеньям после церкви люди всегда валом валят в «Кулинарию ДиВинченци». Обычно, чтобы справиться с этим наплывом посетителей, на работу должны выходить мы оба.

Впрочем, вряд ли завтра в церковь явится много наших горожан, поскольку все они уже сейчас здорово напились.

— Заметано. — Майлз отодвигает ширму, затем останавливается и достает что-то из кармана. — Да, чуть не забыл. Я разыскивал тебя, чтобы передать вот это. Твоя бабушка велела, чтобы я отдал это тебе. И добавила кое-что странное. — Он делает паузу, озадаченно хмуря брови. — По-моему, она сказала: «Не за один укус». И еще: «Пусть она съест это как можно быстрее, чтобы шоколад не растаял».

Он кладет на мою ладонь шарик, завернутый в зеленую фольгу. Я смотрю на него, сдвинув брови.

— Не за один...

Майлз уже идет по патио, затем оглядывается на меня с веселой улыбкой и показывает поднятый большой палец. Я смотрю на поваров, все еще работающих у громадной плиты и передающих официантам все новые и новые тарелки. Вокруг меня витают восхитительные аппетитные запахи, повсюду из рук в руки передаются подносы, полные и пустые, и просторная кухня ка-

жется крошечной из-за количества работников, поддерживающих непрерывающийся поток закусок. Я не узнаю никого из них. Должно быть, бабушка дала постоянной прислуге выходной.

Я перекатываю шарик между пальцами, ища что-нибудь необычное. Возле камина стоит целый поднос шоколадных конфет, так что бабушка точно знала, что я могу просто взять одну из них и съесть. Я разворачиваю зеленую фольгу и обнаруживаю трюфель из темного шоколада. Затем всматриваюсь во внутреннюю часть обертки, поскольку в духе бабушки было бы поместить послание туда. Но нет, это просто блестящая фольга. Ничего необычного.

Я вонзаю в конфету зубы, на язык падают кусочки шоколада и тут же начинают таять. Сначала сладость, затем знакомая восхитительная горечь темного шоколада. Но потом на языке оказывается что-то еще, более жесткое и...

— Тьфу! — Я выплевываю инородный предмет в ладонь.

В конфете был спрятан клочок бумаги. Ну еще бы. Для бабушки это *классика*. Я беру льняную салфетку, чтобы стереть с бумаги слюну, и, развернув ее, вижу, как на ней медленно проступают слова, написанные знакомым почерком бабушки.

Исчезающие чернила — это старый трюк бабушки, она всегда использует его, когда пишет записки. До того как появилась электронная почта, она именно так и вела тайную переписку и заключала сделки. Теперь она пускает этот способ в ход только тогда, когда оставляет мне в разных местах дома дурацкие записки вроде «*Этот последний эклер специально для тебя*» или «*Ну что, будешь вечером есть пиццу и смотреть телешоу “Проект Подиум”?*». На бумаге при этом всегда красуется маленькое темное пятнышко — оно означает, что здесь были использованы специальные чернила. Они проявляются тогда, когда бумага намокает, и на сей раз ее намочила моя слюна.

Мне следовало сразу догадаться, что текст написан не на фольге — ведь это было бы слишком просто.